

При Иглиной находился, приглашенный мужемъ ея, одинъ изъ курскихъ врачей... Абелляра въ это время въ Курскѣ уже не было. Онъ обрѣтался въ Абриколевой, въ обществѣ Мѣдкиной...

Инспекторъ снова спросилъ:

— Здѣсь присутственное мѣсто, и вы должны объявить, что вамъ нужно?

— Не вѣрьте людямъ... не вѣрьте,—простонала Иглина... отпустите меня!

Наблюдать за состояніемъ здоровья Иглиной было поручено акушеру Ринку. Ему пациентка заявила, что она страдаетъ женскими болѣзнями, вслѣдствіе чего испытываетъ приступы тоски... ненавидитъ сама себя... по временамъ впадаетъ въ нервное изступленіе, и сама не знаетъ тогда, что дѣлаетъ... Послѣ дополнительнаго секретнаго освидѣтельствованія Иглиной, акушеръ Ринкъ заявилъ, что она страдаетъ сложными женскими недугами.

Получивъ удостовѣреніе о болѣзненномъ состояніи обвиняемой, совѣстный судъ ограничилъ судебное слѣдствіе только отобраніемъ отъ знающихъ Иглину помѣщиковъ свѣдѣній о ея поведеніи и образѣ мыслей. Помѣщики отвѣчали единогласно:—«Ведетъ себя согласно благородному званію и никакихъ худыхъ качествъ въ поведеніи Иглиной не замѣчено».

Тогда совѣстный судъ, 14-го августа 1844 года, постановилъ: Иглину отъ суда и слѣдствія освободить. Это постановленіе было утверждено губернаторомъ. Но все-таки губернская администрація сочла нужнымъ отдать оправданную на поруки мужу и учредить надъ ней тайное полицейское наблюденіе.

А. Танковъ.

